

«Чтобы понять историю, нужно сопереживать»

Лев Белоусов, доктор исторических наук, профессор, и.о. декана исторического факультета МГУ, академик РАН.



– О чем была дипломная работа выпускника исторического факультета Льва Белоусова?

– Я защищал диплом на тему «Молодежь в движении Сопротивления в Италии». В МГУ я поступил с очень хорошим знанием английского, и поэтому мне сразу предложили учить новый иностранный язык. Я выбрал итальянский, который был тогда совсем не популярным, и влюбился в эту страну – в ее историю, культуру. Я серьезно работал над дипломом, нашел новые источники. День защиты помню очень хорошо: я защищался самым первым, и на кафедре Новой и Новейшей истории, и на факультете. Это придавало дополнительное волнение. Моя тема заинтересовала комиссию, мне стали задавать вопросы, вовлекли в дискуссию. Я отбивался, и, как потом выяснилось, весьма успешно. Вечером после защиты я понял – пойду в аспирантуру.



– Кто был Вашим руководителем?

– Профессор Ирина Владимировна Григорьева, она до сих пор, к счастью, жива, работает на кафедре. К моменту окончания учебы я знал уже на кафедре нескольких профессоров, и они оказали мне очень серьезную помощь. Это и Владислав Павлович Смирнов, который тоже, к счастью, до сих пор с нами. Он брал мои работы, читал, а потом «выжимал» их и меня вместе с ними, задавая «каверзные» вопросы. Например, увидев слова «больше» или «меньше», обязательно спрашивал: «А чем Вы мерили?». Владислав Павлович и Ирина Владимировна приучили меня к научной скрупулезности, которую я сейчас стараюсь передать студентам.

– Выступая в новом проекте истфака «Беседы об истории», Вы назвали XX век веком масс. Как в таком случае Вы охарактеризуете век XXI?

– Наш век – это, безусловно, век цифры, информации и искусственного интеллекта. Одна из моих лекций по Новейшей истории посвящена теории «длинных волн» Н.Кон-

дратьева. Наш известный экономист выдвинул эту теорию еще в 1920-е годы, но теория была подвергнута существенной критике, «ушла» на Запад и вернулась к нам уже развитая учениками автора. (Сам Кондратьев в 1930-е годы был репрессирован). Вкратце суть теории в том, что общество через кризисы развивается «длинными волнами», примерно по 50-60 лет. Мы подошли к периоду, когда, по теории Кондратьева, уже началась новая волна, и мы сейчас на подъеме. У нас компьютер, новые виды коммуникаций и энергоносителей, которые идут на смену газу и нефти. Жизнь все больше определяется цифровизацией всей общественной инфраструктуры, информатизацией и искусственным интеллектом. Информация сейчас самый ценный продукт, а искусственный интеллект уже «живет» рядом с нами и покоряет нас.

– Что это значит для историка?

– Многое. Мы открыли для себя новые, массовые исторические источники, можем с помощью компьютера и математических методов анализировать большие базы данных, Big Data, они доступны и позволяют выявлять ключевые тенденции в развитии общества. То, что дают цифровизация и компьютеризация, мы используем для получения нового знания. Можно реконструировать историческое прошлое в виртуальном режиме и погрузить в него нашего современника. Такой проект мы создали вместе с математиками и применяем в образовательном процессе. Ведь чтобы понять историю, нужно сопереживать, попытаться стать одним из тех, кто жил в ту, иную эпоху.

– Вы автор первой русскоязычной биографии Бенито Муссолини. Сопереживаете ли Вы своему персонажу?

– Сначала немного о книге. У нас все связанное с фашизмом, германским или итальянским, с Гитлером или Муссолини, в советскую эпоху было во многом под запретом. Моя книга о Муссолини вышла в 1993 г. Редакторы из издательства «Молодая гвардия» сами меня нашли, зная, что я этим персонажем занимаюсь. Но сказали – в ЖЗЛ никак. Я предложил сделать другую серию – «Исторические портреты», моя книга о Муссолини стала первой в этой серии, вышла в другом издательстве тиражом 10 000 и разлетелась мгновенно. В 2016 г. было второе издание. Теперь о персонаже. Не могу сказать, что со-

переживаю Муссолини – сопереживать ему особо не за что. Этот человек подавил демократические свободы, сформировал тоталитарный режим, втянул Италию во Вторую мировую войну и привел ее к национальной катастрофе. Хотя его сторонники, в том числе в историографии, а также те, кто до сих пор носит цветы на его могилу, в научных трудах и публицистике утверждают, что есть и положительные стороны в его деятельности.

– Например?

– В годы мирового экономического кризиса он преодолел безработицу, проводил активную социальную политику, строил дороги и мосты, осушал болота, развивал тяжелую, в основном военную промышленность, и в целом обозначил путь превращения Италии в современное индустриальное государство, каким она является сегодня. Нужно, конечно, понимать, что тот период был непростой. Многие итальянцы действительно поддерживали фашизм, видя лишь ту его сторону, которую фашизм сам старался продемонстрировать, но не понимая его сущности. Она

проявилась позже, ко-гда фашизм втянул Италию в войну. Муссолини привлекает меня, историка, как необычный персонаж – он был человеком, наделенным мощной харизмой, умным, мгновенно схватывавшим суть, а самое главное – чрезвычайно чутким к настроениям толпы, эдакий народный трибун, наделенный характерным итальянским темпераментом. Актер и позер, умевший захватывать аудиторию. А по сути – искусственный политикан и демагог. Кроме того, он был блестящим журналистом. В 20 с небольшим лет в одиночку издавал газету «Классовая борьба», писал ее полностью сам, каждый день, потом стоял около киосков и смотрел, как она расходуется. Будучи редактором главной газеты социалистов «Вперед», он увеличил ее тираж за год в 5 раз! А газета «Народ Италии», которую он издавал, когда его выгнали из социалистической партии, сразу пошла массовым тиражом, потому что Муссолини уже знали.

– Что здесь больше – феномена Муссолини или медиавоздействия?

– Конечно, это был в большей степени феномен Муссолини. Для мощного и всестороннего медиавоздействия в Италии тогда еще не существовало технической базы. Безусловно, дуче (вождь) был популист, но весьма талантливый. Играл на скрипке, Вагнера любил, неплохо изъяснялся по-французски и по-немецки. И поразительно работоспособный. Он работал много, действительно много, хотя, как говорили в те времена, лишь в «перерывах между романами» с многочисленными поклонницами.



– Правда, что последняя жена Муссолини сама пошла с ним на казнь?

– Нет, не правда. Кларетта Петаччи – так звали эту женщину – не была супругой Муссолини. У него была одна жена, Ракеле. Женится будущий дуче в ранней молодости, под пистолетом забрав девушку из семьи – он уже тогда отличался экстравагантностью. У них было пятеро детей, и они не развелись. Кларетта Петаччи была любовницей Муссолини, о чем знала вся Италия, кроме Ракеле. У дуче было отвратительное отношение к женщинам вообще, эта сторона его жизни чрезвычайно несимпатична, я бы даже сказал – омерзительна. Но Кларетта его безумно любила. На русский язык переведен ее дневник, его можно прочитать. Накануне освободительного восстания на Севере Италии Кларетта, как и Муссолини, бежала из Милана. Их обоих схватили партизаны, и последние сутки они провели вместе. А когда дуче зачитали приговор, Кларетта повисла у него на шее и погибла вместе с ним. Вероятно, она не думала, что действительно будут стрелять, когда свергнутого диктатора поставили к воротам, у которых произошла казнь. Я был на том месте, ворота до сих пор сохранились. Отношение к Кларетте Петаччи в обществе было скверное: все знали, что ее брат Марчелло пользовался связью сестры, торговал политическим влиянием и безудержно воровал. Но это так, к слову.

– Легко ли у Вас складывался контакт с аудиторией в зарубежных университетах?

– В основном я читал в итальянских университетах, в Италии – в пяти университетах, и у меня ни разу не возникла проблема контакта со студентами. По простой причине – аудитория была благодарная. В Италии посещение лекций свободное, и ребята приходили потому, что им было интересно, что думает

русский историк об их недалеком прошлом. Надеюсь, я не разочаровывал их своими лекциями, хотя они, как правило, длились в два раза дольше, имея в виду вопросы и ответы.

– Как обеспечить каждую школу ярким, профессиональным учителем истории?

– Хорошим учителем, как и хорошим врачом, можно стать только по призванию. Это значит – любить предмет и любить преподавать. Здесь две задачи, первую я отношу к университету. Мы стараемся привить студентам любовь «копать» историю, тем самым помогая им осознать свое призвание. Когда же призванные люди приходят в профессию, им нужно в ней укрепиться. Учитель должен чувствовать себя уютно, и в обществе, и в профессии. Такова вторая задача, но решается она далеко не всегда. Это большая проблема – этическая, социальная, материальная, которая выходит за пределы университета.

– Вы не только и.о. декана истфака МГУ, но и ректор Российского Международного Олимпийского университета в Сочи. Как Вы успеваете работать в таком графике?

– С трудом и с переменным успехом (смеется). Но есть два важных условия. Первое – команда. В Сочи я сформировал команду с нуля. Команда должна быть мотивирована, команде я должен полностью доверять. И это позволяет мне делегировать некоторые полномочия, чтобы подчиненные могли принимать решения на месте. А современные средства связи, той самой цифровизации,

о которой мы сейчас говорили (второе условие), позволяют быть одновременно и тут, и там.

– Что привело историка на передовой рубеж спортивного менеджмента?

– Поначалу я себя чувствовал в этой тематике не очень уютно, но потом вполне комфортно. Когда Россия выиграла конкурс на проведение Олимпийских игр, одним из условий нашей заявки было создание Олимпийского университета. Для меня это было непростым вызовом, тем более, что Попечительский совет университета сразу возглавил В.В.Путин (в тот период премьер-министр). Мне было поручено создать качественно новое учебное заведение, нацеленное на формирование управленческой элиты в спортивной индустрии. И сегодня в Российском Международном Олимпийском университете в Сочи, первом и единственном в мире университете такого профиля, уже прошли обучение студенты из 63 стран мира, преподают профессора из 10 стран, занятия ведутся параллельно на русском и английском языках.

– Как Вам это удалось?

– Истфак научил меня решать проблемы с позиций фундаментального знания. Именно фундаментальность подхода позволила мне применить свои навыки для науки прикладной. Мы проанализировали задачи спортивной индустрии в мире и в России, и поняли, какого типа менеджер нам нужен – универсальный, а не узко специализированный, способный взять на себя нагрузку любого вида. И в таком ключе мы создавали соответствующие программы и курсы. Так историк стал «ковать» спортивный менеджмент.

Любовь Некрасова
Фото предоставлено историческим факультетом МГУ